

УДК 94 (47).045  
DOI 10.52452/19931778\_2021\_4\_61

## «С ДУНЬКОЮ ВОРОВАЛ И С НЕЮ ЖИЛ»: ИЗ ИСТОРИИ ОДНОЙ СЕМЬИ В ОККУПИРОВАННОМ НОВГОРОДЕ НАЧАЛА XVII В.

© 2021 г.

Е.М. Попова

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород

Kowkaforever@yandex.ru

Поступила в редакцию 24.12.2020

Осуществляется интерпретация семейных связей, основанных на кровном родстве и браке, в текстах документов Новгородского оккупационного архива. Рассматриваются события начала XVII в. и выделяется исключительный случай сожительства селянки Дуньки со шведскими приставами, представленный в тексте обыскного списка. Судя по источнику, это сожительство, напрямую не осуждавшееся, не было маркировано терминологически и не уподоблялось браку.

*Ключевые слова:* Великий Новгород, шведская оккупация, сожительство, брак, семья.

В начале XVII века в России наступил период Смуты, для которого характерны децентрализация власти, самозванство, создание самостоятельных центров управления [1, с. 403–404]. Одним из таких центров стал Великий Новгород, который был занят шведами и находился под контролем шведско-новгородского правительства во главе с воеводами Якобом Делагарди и Иваном Никитичем Большим-Одоевским. В период шведского присутствия жизнь новгородцев продолжала идти своим чередом, несмотря на тяготы, обусловленные военным временем, функционировали общественные заведения (такие, как кабаки и бани), работал административный аппарат, велось делопроизводство [2, р. 139].

Делопроизводство Новгорода начала XVII в. неплохо сохранилось благодаря тому, что Якоб Делагарди вывез документы в Прибалтику, после чего они оказались в Государственном архиве Швеции, где и находятся по сей день [3, с. 159–160]. Это так называемый Новгородский оккупационный архив (далее – НОА), который состоит из двух частей: книг и отдельных свитков, которые представлены челобитными, распросными речами, следственными делами и т.д., т.е. актовым материалом [4, с. 285]. В данных документах можно, в том числе, проследить родственные линии, существовавшие в Великом Новгороде того времени.

Говоря о родстве, мы, в первую очередь, имеем в виду отношения между людьми, основанные на происхождении от общего предка или возникшие в результате заключения брака [5, с. 4–6]. Выражение родства в текстах документов происходит в использовании определенных слов: *сын, отец, жена (сынишко, женишко, дочериншко)* и т.д. [6, с. 315–334]. Безусловно, самым частым в текстах является упо-

минание отца: «Осип Васильев сын» [7, л. 16], «Петровы дети Оничкова, Иван с сестрами» [8, л. 212]. Подчеркивание в документах связи отцов и сыновей свойственно всему документальному собранию.

Сложнее ситуация обстоит с женщинами. Как отмечает Т.В. Жиброва, «в материалах уездных и городских служб, съезжих изб, таможенных, кабацких документов, челобитных земских старост и других должностных лиц практически не встречается упоминания женских имен» [9, с. 3]. В делах Новгородского архива, если речь идет о женщине, обычно мы встречаем упоминание *дочь* или сочетание имени с указанием того, чья это дочь: «Маринка Онисимова дочь» [10, л. 7]. Т.е. линия родства у незамужней девушки, т.н. «девки», вновь определяется по отцу. В случае смерти отца, вероятно, незамужней девушки упоминались как чьи-то сестры; так, в документах встречаем: «Степановы сестры Лутовинина девки Матрена да Ульяна» [8, л. 256].

Поскольку семья в жизни играла большую роль, людей неженатых, как отмечает Д.А. Ляпин, почти не было [11, с. 37]. Большим значением в плане перемены социального статуса брак обладал именно для женщины, покидавшей отчий дом. Поэтому нередко мы встречаем упоминание родства, основанного на заключении брака между мужчиной и женщиной: «Денисова жонка Офдотья» [12, л. 4] или «вдовица Иванова» [13, л. 2–2 об.], если муж уже скончался. К слову, в годы Смуты вектор на повторный брак смещается в сторону допущения. Как отмечает А.А. Селин, «в годы Смуты, когда вдовство становится частым и распространенным явлением, повторные браки превращаются скорее в правило» [14, с. 634]. Тут

же стоит подтвердить заключение Т.В. Жибровой, что зачастую имена женщин не записывались, лишь указывалась их «принадлежность» супругу: «Княж Воинова жена Кропоткина» [8, л. 212], «Яковлева жена Кобылина з двумя племянницы» [8, л. 217].

Однако в документах НОА нам встретилась одна крайне интересная ситуация, в которой женщина еще пребывала в доме отца, но сожительствовала с мужчиной, причем с иностранцем [15, л. 99]. Каково было отношение новгородцев к подобному явлению? Порицался ли факт сожительства обществом? Или считался нормой в реалиях Смуты? На первый взгляд, сами эти вопросы кажутся странными: в привычном для нас понимании средневековой семьи сожительство вне брака было очевидным объектом общественного порицания. Как отмечает Е.С. Анпилогова, женщина воспитывалась в рамках христианской религиозно-философской доктрины, должна была быть «хорошей женой», подчиняющейся мужу и не претендующей на власть, т.к. в XVII веке сохранялась традиционная патриархальная семья [16, с. 45]. Женщина должна была стремиться выйти замуж, причем желательно удачно и на всю жизнь [11, с. 37–38], поскольку разводы также не поощрялись. Даже самая неподходящая партия – пьяница, преступник – могла предпочитаться одиночеству [17, с. 58].

Но упомянутая выше новгородка Дунька, сожительствовавшая сначала с одним, а затем и с другим шведским приставом, по-видимому, не спешила замуж. Не старался устроить брак дочери и отец Дуньки – Титко Романов. Собственно бытовые контакты со шведами не являлись чем-то уникальным. За долгие годы оккупации новгородцы свыклись с необходимостью ежедневного общения со шведами, с которыми многие здесь вели дела или совместно проводили время. Так, например, поп Савва любил проводить вечера в местных кабаках в компании немецких приставов [18, л. 1], а некий Денис Сапожник не чурался предлагать услуги обитателю своего публичного дома шведским солдатам [12, л. 1–3]. Тем не менее сожительство русской женщины с иностранцем могло вызывать пересуды и в силу того, что не подкреплялось браком, и вследствие принадлежности сожителей к различным христианским конфессиям.

Судить о казусе девки Дуньки мы можем благодаря обыскному списку, составленному в ответ на коллективную челобитную, которую в 1614 г. подали на имя Карла Филиппа староста села Тесова и волостные люди. Данный документ написан русской скорописью XVII в., хорошо читаемым канцелярским почерком. Со-

хранность чернил хорошая. В тексте присутствуют элементы исправления. Документ представлен на 1 листе с оборотом (на обороте зафиксированы имена приложивших руку к обыскному списку). Поскольку данный документ еще не публиковался полностью, мы сочли возможным привести его текст в качестве приложения к статье.

Судя по рассматриваемому документу, люди жаловались на то, что Титко Романов и его дочь Дунька притесняют местное население: Титко любит выпить, распускать руки, стрелять из пищали по своим соседям и оставался при этом безнаказанным; Дунька «чинит ссоры» местным обывателям. Более того, провизию, собираемую волостными людьми для шведского войска, едят в том числе и домочадцы Титка Романова. Все это происходит потому, что семья тесно контактировала со шведским приставом Сифорком, который «с Дунькою воровал и с нею жил», т.е. сожительствовал. Однако на этом заинтересовавшая нас история не заканчивается. Местные жители свидетельствуют далее о том, что «ныне Дунька с другим шведским приставом с Христофором ворует». По-прежнему волостным людям от этой семьи нет спасения: продолжаются драки, притеснения, обворовывание местного населения. Титко держал в страхе даже местного старосту, который хотел отказаться от своей деятельности, боясь расправы со стороны семьи Романова. Можно предположить, что Титко было выгодно сожительство его дочери с чужеземцами, поскольку оно сулило ему самому те или иные вольности. В документе нет и намека на то, что Титко испытывает некий дискомфорт от того, что его дочь сожительствует с иноверцами.

Принуждалась ли Дунька к сожительству со шведами? Скорее всего, нет, т.к. она использовала сожителей в собственных интересах. Как именно использовала, сказать сложно, поскольку в тексте говорится лишь о том, что «ссоры у нас в волости та девка Дунька многие чинила». Впрочем, один проступок, совершенный шведом в угоду его русской сожительнице, все-таки упомянут: с дочери крестьянина Ивана Константинова пристав Сифорко снял сережки и отдал их носить Дуньке, что она охотно и делала (в том числе и на момент написания челобитной).

Само по себе сожительство с иноверцами не маркировано терминологически. Дунька стандартно именуется «девкой», «дочерью Титковой». Никакого негатива в отношении собственно ее связи со шведами не прослеживается. Мы наблюдаем лишь претензии в отношении всей семьи Титка Романова, ввиду ее преступного поведения. В документе Дунька не

называется «воровской жонкой» или «воровской девкой», что было бы характерным обозначением непристойного женского поведения.

В распоряжении исследователей есть еще один документ [19, л. 60–61], который прямо повествует о взаимоотношениях Титка Романова с соседями и косвенно демонстрирует реакцию последних на поведение Дунькиных «ухажеров». Это – вновь жалоба на Титка Романова, который в состоянии подпития вместе со шведским приставом Сифорком обругивает «непободною лаею» соседей и применяет в драке холодное оружие. Судя по документу, гнев Титка был обрушен на подьячего Ивана Прокофьева, который неоднократно обвинял Романова в попустительстве тому, что его дочь Дунька ведет «беспутную» жизнь со шведским приставом. Терпение Титка лопнуло, и он решил наказать обидчика, угрожая тому полной расправой. Однако однозначно оценить отношение новгородцев к подобной ситуации трудно, т.к. иных сведений о жизни семьи Титка не встречается.

Подводя итог, отметим, что исходя из рассмотренных нами документов Новгородского оккупационного архива, факт сожительства русской женщины с иностранцем-иноверцем виделся, скорее, отклонением от нормы. Но зафиксировать однозначную реакцию общества на подобное поведение женщины невозможно, поскольку в тестах ясно прослеживается лишь негатив по отношению к семейству Титка в целом. Скорее всего, связь Дуньки со шведскими приставами порицалась большинством соседей. Вместе с тем указанное сожительство вряд ли было результатом принуждения: и Дунька, и ее отец извлекали из него определенные выгоды. Безусловно лишь одно: женой шведских приставов Дуньку никто не считал. Вероятно, Дунька продолжала жить в доме своего отца, а для волостных людей села Тесова по-прежнему являлась исключительно «Титковой дочерью».

*Публикация подготовлена при поддержке гранта РНФ № 19-18-00183. The paper was supported by the Russian Science Foundation, project No. 19-18-00183.*

#### Приложение

*Текст публикуется по столбцам, хранящимся в Стокгольме, в Государственном архиве Швеции, RA. NOA. Series II: 212. Л. 99. Текст обыскного списка расположен на 1 листе без оборота. При публикации титла раскрываются, выносные буквы вносятся в строку. Устаревшие буквы не используются, знак ь сохранен в соответствии с текстом оригинала, знак ь добавлен в слова, в которых он пропущен. Пунктуация, деление на предложения принадлежат публикатору. В скобках указывается год по летоисчислению от Рождества Христова.*

Лета 7123-го (1614) декабря в 27 день по указу Пресветлеишего и Высокороженново Государя Королевича и Великого Князя Карлуса Филиппа Карлусовича (Карл Филипп. – прим. авт.) и по подписной челобитной за приписью дьяка Пятого Григорьева по челобитью Государева села Тесова старосты Юшка Михайлова и волостных людеи Никита Яковлевич Тырков да подьячеи Иван Прокофьев спрашивали и обыскивали попы по священству, а целовальники и десяцкими и волостными людьми по государеву крестному целованю. В прошлом, во 122 (1613) году, у вас в волости немецкой пристав Сифорко был ли, и Титка Романова з дочерью девкою Дунькою воровал ли, и та ево Титкова дочь Дунька тому приставу немчину Сифорку на вас на волостных людеи соры многие чинила ли, и тот немецкой пристав Сифорко вам волостным людем в кормех и во всяких мерах по ее Дунькину наученю шкоту великую чинили ли, и вас крестьян тот немчин и Титко били ли и секли ли. И в нынешнем, во 123-м (1614) году, та ж девка Дунька з другим немецким приставом с Христофорком воруют ли, и от тово Христофорка вам теснота и в кормех шкота многая чинитца ли, и корм, что вы волостные люди приставу даете, Титко со всею семьею с приставом ели ль. И государева села Тесова Климецкой поп Богдан Климентеев да предчестен поп Кузьма Иванов, да целовальники Давыдко Ликачов, да Степанко Григорьев, да волостные люди Ортемко Павлов, да Терех Тимофеев, да Иванко Тимофеев кузнец, да Олферко Ортемьев, да Гришка Тарасов, да Васька Юрьев, да Пешко Федоров сын Хринев, да Офонька Антонов, Кондратко Иванов, Жун Демидов, Иванко Костянтинов, Данилко Филипов, Степанко Степанов, Иванко Иванов, Якуш Матфеев, Жданко Васильев, Нефедка Васильев, Ивако Васильев, Нечайко Отоманов, Левка Иванов сын Воробьев, Самулка Хленсеев, Иванко Павлов сын Сухонос, Первушка Федоров и все крестьяне села Тесова, попы сказали по священству, а волостные люди сказали по государеву крестному целованю, немецкой пристав Сифорко с Титковой дочерю девкою з Дунькою воровали и с нею жил, и по отца ее, по Титкову, и дочери ее науку немчин Сифорко старосту буя бил и саблю сек, и нам волостным людем тот Сифорко по их наученю шкоту чинил. И после того пристава та девка Дунька з другим немецким приставом с Христофорком воровала и нынеча воруют, и ссоры у нас в волости та девка Дунька многие чинила и корм наш волостной тот Титко со всею семею едят, и от тот пристава от Христофора по их наученю нам волостным людем шкоту чинили и нас волостных людеи тот Титко з детьми напився пьян многих били и ис пищали стрелях, да он же Титко Климецкого понамаря Давыдка убил до полусмерти и руку переломил на поле. Да государевых крестьян Степанка Никифорова ис пищали пострелив да Давыдка Пикачова, да Степанка Вешнякова и з женою убил до полусмерти, да иных тех всех людеи перед тем Титком которых он з детьми бил мы никакие не ведаем. Да по ево ж Титкову науку немчин Сифорко у крестьянина у Иванка у Костянтинова отнял серьги евои чатка, а отняв те серьги дал ево Титковы дочери носить, и теми серьгами та ево Титкова дочь и нынече владеет. А староста для того утеснения от старощеня отказывался, боясь от них убивства. То наши по священству и по государеву по крестному целованю. А обыскной

список писал Климецкой дьячек села Тесова Пиминко Игнатъев.

#### Список литературы

1. Тюменцев И.О. Органы государственного управления в Тушине в 1608–1610 гг. // Средневековая и Новая Россия. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. С. 403–423.
2. Nordlander I., Sundberg H. The Novgorod taverns during the Swedish occupation // Stockholm Slavic Studies. 1995. Vol. 24. P. 139–156.
3. Birnbaum H. Novgorodiana Stockholmiensia. Zur Bedeutung und Geschichte der Novgoroder Akten des Stockholmer Reichsarchivs // Scando-Slavica. Copenhagen: Munksgaard, 1964. T. X. S. 154–173.
4. Нордландер И. Оккупационный архив Новгорода 1611–1617 гг. // НИС. 1997. Вып. 6 (16). С. 285–289.
5. Аверкова О.В. Система русского родства в зеркале социальных наук // Современные коммуникации: Язык. Человек. Общество. Культура. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2014. С. 4–15.
6. Дела о возвращении из-за шведского рубежа русских перебежчиков. 1627, август – 1628, январь // Дела Тайного приказа. Т. 4. Л.: Изд-во АН СССР, 1926. Л. 315–334.
7. Челобитная Карлу Филиппу от жителей Никитиной и Рогатицы улицы. 1613 г. // RA. NOA. Serie II: 201. Л. 16–16 об.
8. Отправление на съезд на речку Яуну российских судей Коробьина, Обернибесова, Шевырева со шведским ротмистром Антельманом с товарищами для размена пленных шведских и русских людей, тут же и допросы пленных // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Рестр 2. Д. 3. 304 л.
9. Жиброва Т.В. Женщина в русской провинции XVII века (по материалам юга России) // Историче-

ский курьер. 2019. № 3 (5). Статья 10. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-3-10.pdf> (дата обращения: 15.02.2021).

10. Память Якоба Деллагарди и Ивана Никитича Большого-Одоевского пятиконецкому старосте Докучаю Сласнищину с товарищами о проведении расследования о финансовых делах Мокейки и Якова Крена. 13.02.1614 // RA. NOA. Serie II: 327. Л. 1–9 об.
11. Ляпин Д.А. Русская семья в XVII веке: обычаи и традиции // Уваровские чтения – VII. Семья в традиционной культуре и современном мире. Владимир: Транзит ИКС, 2011. С. 37–41.
12. Дело о воровстве Дениса Сапожника. 1612. 24.07 // RA. NOA. Serie II: 177. Л. 1–4.
13. Дело по челобитной о поместье вдовы Марьи, жены Ивана Кишкина (без окончания). 1612–1613, март // RA. NOA. Serie II: 185. Л. 1–2 об.
14. Селин А.А. Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб.: БЛИЦ, 2008. 752 с.
15. Дело о воровстве девки Дуньки, дочери Титка Романова // RA. NOA. Serie II: 212. Л. 99.
16. Анпилогова Е.С. Русская женщина в восприятии современников на рубеже XVII–XVIII веков // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 92. С. 45–48.
17. Огородникова О.А. Брак и семья в средневековой Руси // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 3. С. 58–63.
18. Дело по челобитной плавильщика монетного двора Лучки Офонасьева о кабацкой драке и об изроне. 21–24.08.1616 г. // RA. NOA. Serie II: 36. 2 л.
19. Обыск Никиты Яковлевича Тыркова в селе Тесове по челобитью подьячего Ивана Прокофьева. 4.02.1615 // RA. NOA. Serie II: 122. Л. 60–61.

#### «WITH DUN'KA HE COMMITTED CRIMES, WITH HER HE ALSO LIVED»: FROM A HISTORY OF ONE FAMILY IN OCCUPIED NOVGOROD IN EARLY 17<sup>th</sup> CENTURY

*E.M. Popova*

The article is dedicated to characteristics of familial bonds based on bloodline and marriage in the documents from the Novgorod occupation archive. The author reviews the events of the so called Time of Troubles during the early 17<sup>th</sup> century and singles out a unique case of cohabitation of a country girl called Dun'ka with a Swedish marshals in Veliky Novgorod. In fact nobody considered Dun'ka to be the Swedish marshal's wife and never called her as such. The cohabitation itself was not marked with some special terminology or similarized to a marriage.

*Keywords:* Veliky Novgorod, Swedish occupation, cohabitation, marriage, family.

#### References

1. Tyumentsev I. O. Public administration bodies in Tushin in 1608–1610 // Medieval and New Russia. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 1996. P. 403–423.
2. Nordlander I., Sundberg H. The Novgorod taverns during the Swedish occupation // Stockholm Slavic Studies. 1995. Vol. 24. P. 139–156.
3. Birnbaum H. Novgorodiana Stockholmiensia. Zur Bedeutung und Geschichte der Novgoroder Akten des Stockholmer Reichsarchivs // Scando-Slavica. Copenhagen: Munksgaard, 1964. T. X. S. 154–173.

4. Nordlander I. The occupation archive of Novgorod in 1611–1617 // NHC. Ed. 6 (16). 1997. P. 285–289.
5. Averkova O. V. The system of Russian kinship in the mirror of social sciences // Modern communications: Language. Person. Society. Culture. Yekaterinburg: Publishing house of UMC UPI, 2014. P. 4–15.
6. Cases of the return of Russian defectors from abroad from Sweden. 1627, August-1628, January // Cases of the Secret Order. Vol. 4. L.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1926. P. 315–334.
7. A petition to Karl Philip from the residents of Nikitina and Rogatitsa streets. 1613 // RA. NOA. Serie II: 201. P. 16–16 back.

8. Departure to the congress on the Yauza river of the Russian judges Korobin, Obernibesov, Shevyrev with the Swedish captain Antelman and his comrades for the exchange of captured Swedish and Russian people, right there and interrogations of prisoners // RGADA. F. 96. Op. 1. Register 2. D. 3. 304 p.
9. Zhibrova T. V. A woman in the Russian province of the XVII century (based on the materials of the south of Russia) // Historical courier. 2019. № 3 (5). Article 10. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-3-10.pdf> (date of access: 15.02.2021).
10. From Jacob Delagardi and Ivan Nikitich Bolshoy-Odoevsky, the Pyatikonetsky headman Bothers Slasnitsyn and his comrades about conducting an investigation into the financial affairs of Mokeika and Yakov Kren. 13.02.1614 // RA. NOA. Serie II: 327. P. 1–9 back.
11. Lyapin D. A. The Russian family in the XVII century: customs and traditions // Uvarov readings-VII. The family in traditional culture and the modern world. Vladimir: Transit X, 2011. P. 37–41.
12. The case of the theft of Denis Sapozhnik. 1612. 24.07 // RA. NOA. Serie II: 177. P. 1–4.
13. The case of the petition about the estate of the widow Mary, the wife of Ivan Kishkin (without ending). 1612–1613, March // RA. NOA. Serie II: 185. P. 1–2 back.
14. Selin A.A. Novgorod society in the Time of Troubles. St. Petersburg: BLITZ, 2008. 752 p.
15. The case of the theft of the girl Dunka, the daughter of Titka Romanov // RA. NOA. Serie II: 212. P. 99.
16. Anpilogova E.S. Russian woman in the perception of contemporaries at the turn of the XVII–XVIII centuries // Izvestiya of the Russian state pedagogical university named after A.I. Herzen. 2009. № 92. P. 45–48.
17. Ogorodnikova O.A. Marriage and family in medieval Russia // Actual problems of humanities and natural sciences. 2011. № 3. P. 58–63.
18. The case of the petition of the smelter of the mint Luchka Afanasyev about a tavern brawl and about Iran. 21-24. 08. 1616 // RA. NOA. Serie II: 36. 2 p.
19. Search of Nikita Yakovlevich Tyrkov in the village of Tesovo at the request of the podyachy Ivan Prokofiev. 4.02.1615 // RA. NOA. Serie II: 122. P. 60–61.